

13. Maull H. Germany in the Yugoslav Crisis / H. Maull // Survival. – 1995. – Vol.37. – №4. – P.99–130.

14. Bericht der Bundesregierung über die deutsche Humanitäre Hilfe im Ausland 1990 bis 1993 Drucksache Nr.: 12/7737 vom 30.05.1994.

15. Kriege und bewaffnete Konflikte in Europa und in der Welt Drucksache Nr.: 13/2982 vom 10.11.1995.

16. Rosenfeld M. Deutschlands und Frankreichs Jugoslawienpolitik im Rahmen der europäischen Gemeinschaft 1991–1993 / M. Rosenfeld // Stidosteuroopa. – 1993. – Vol.42. – №9. – S.621–653.

17. Peleh Je. Politychni debaty shhodo uchasti Bundesveru v myrotvorchihy operacijah na terytorijah kolyshn'oi' SFRJu (1992–1995) / Je. Peleh // Istorychna panorama: zb. nauk. st. ChNU. Special'nist' «Istorija». – Chernivci: ChNU, 2010. – Vyp.11. – S.54–74.

18. Köcher R. Breite Mehrheit für Blauhelm–Einsätze deutscher Soldaten / R. Köcher // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1993. – 11 Febr. – S.23.

19. Maull H. Germany and the use of force: Still a «civilian power»? / H. Maull // Survival. – 2000. – Vol.42. – №2. – P.56–80.

20. Pogorel'skaja S. V. Vnutripolitieskie aspekty novoj germanskoj vneshnej politiki / S. V. Pogorel'skaja // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodne otnoshenija. – 2001. – №7. – S.91–100.

21. Ivleva T. V. «Gumanitarnoe vmeshatel'stvo» i vneshnjaja politika Germanii: (Obzor) / T. V. Ivleva // Aktual'nye problemy Evropy. – 2001. – №3. – S.42–70.

22. Weifibuch 1994 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr. – Bonn, 1994. – 301 s.

23. Kirste K., Maull N. Zivilmacht und Rollentheorie / K. Kirste, N. Maull // Zeitschrift für internationale Beziehungen. – 1996. – №3. – P.283–312.

24. zum Antrag der Bundesregierung – Drucksache 13/1802 – Deutsche Beteiligung an den Maßnahmen zum Schutz und zur Unterstützung des schnellen Einsatzverbandes im früheren Jugoslawien einschließlich der Unterstüt – zung eines eventuellen Abzuges der ... Drucksache Nr.: 13/1835 vom 28.06.1995.

Petrenko K. A., postgraduate student, Donetsk National University (Ukraine, Vinnytsia), sagittarius–1988@mail.ru

The role of Germany in the Bosnian war (1992–1995)

The purpose of this article is to clarify the role of Germany in the Bosnian war (1992–1995) and the characteristic actions of Germany. The main stages of activity of the united Germany in the Yugoslav crisis in the early 1990s were considered. The Germany's activity in the UN and the Contact Group was presented. Germany has provided humanitarian assistance, has supported trade embargo, has received and has placed refugees. Special attention was given to issue of the involvement of the Bundeswehr in military operations. It was not earlier than 1994 when the decision on legalization of the Bundeswehr participation in the military actions, which are carried out outside NATO borders under the UN mandate, was made during internal political debate. This decision laid the way for greater German involvement in the peacekeeping operations. Such changes in the strategy of the German foreign policy was due to events of the Bosnian war.

Keywords: Germany, foreign policy, Yugoslavia, Bosnian War, peacekeeping mission, humanitarian aid, the Bundeswehr.

Petrenko E. A., аспирантка кафедры всемирной истории, Донецкий национальный университет (Украина, Винница), sagittarius–1988@mail.ru

Роль Германии в Боснийской войне (1990–1995 гг.)

Цель статьи заключается в выяснении роли Германии в Боснийской войне (1992–1995 гг.) и характеристике действий немецкого государства. Были рассмотрены основные этапы деятельности объединенной Германии в югославском кризисе в начале 1990–х гг. Представлена деятельность Германии в рамках ООН и в Контактной группе. Германия оказала наибольшую гуманитарную помощь, обеспечила торговое эмбарго, приняла и разместила беженцев. Специальное внимание уделено проблеме по привлечению бундесвера к военным операциям. Только в 1994 г. во время внутриполитической дискуссии было принято решение о легализации участия бундесвера в военных акциях, осуществляемых по мандату ООН за пределами границ НАТО. Это решение проложило путь для большего немецкого присутствия в операциях по поддержанию мира. Такие изменения во внешнеполитической стратегии состоялись вследствие событий Боснийской войны.

Ключевые слова: Германия, внешняя политика, Югославия, Боснийская война, миротворческая миссия, гуманитарная помощь, бундесвер.

* * *

УДК 930.1:304

Шапиро А. С.,
аспирантка кафедры философии
естественнонаучных факультетов философского
факультета, Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса),
a.s.shapiro.uk@gmail.com

ШОА В ПАМЯТИ ДИАСПОРЫ. ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ХОЛОКОСТА СРЕДИ СТУДЕНТОВ ПРОГРАММЫ МАСА–АРИЭЛЬ¹

Приводятся результаты исследования, проведенного среди студентов программы Маса–Ариэль (г. Ариэль, Израиль) с целью выявить, какое место занимает память о Катастрофе среди евреев Диаспоры. Всего в опросе участвовало 74 человека в возрасте 18–30 лет из 6 стран СНГ, участвующих в программе на основании «закона о возвращении». Его результаты показывают, что в отличие от израильтян, у которых память о Шоа занимает одну из лидирующих позиций в самоидентификации, для половины участников программы память о Шоа не является ни актуальной, ни смысло- или жизнеобразующей (за исключением тех участников, которые имели тесные связи с еврейской общиной или знали о Катастрофе «со школьной скамьи»). Открытие самой «еврейскости» часто происходит внутри программы и после четырех или восьми месяцев пребывания в Израиле участниками достигается общее ощущение связи с народом и с его историей, которое было прервано в Диаспоре. Также были выявлены следы прерывания семейной памяти и достаточно сильное ощущение влияния антисемитизма.

Ключевые слова: Шоа, национальная самоидентичность, нарратив, Холокост, Диаспора, историческая память.

(статья друкується мовою оригіналу)

Память о Шоа (в пер. с ивр. תְּשׁוּבָה – Катастрофа) занимает одну из четырех определяющих позиций в современной израильской самоидентичности [10; 18, с. 237–251], когда в основе национального нарратива остается актуальной память об уничтожении еврейского населения во время II мировой войны. Через целую сеть мемориальных практик, часть из которых закреплена на государственном уровне и носит статус обязательного соблюдения, память о тех трагических событиях остается непрерывно актуальной в общественном дискурсе. В первую очередь она зиждется на церемонии поминовения погибших в специальный день – *Йом Ха Шоа* (ивр. – תְּשׁוּבָה יוֹם), которая была закреплена Кнессетом в 1951 и 1958 гг. [17]. Ежегодная поминальная церемония начинается с заходом солнца 27 Нисана в одном из главных музеев Израйля – мемориальном комплексе Яд Вашем в Иерусалиме, где шесть выживших в Катастрофе евреев зажигают шесть свечей в память о шести миллионах погибших. В этот день в 10 утра одновременно по всей стране раздаются двухминутная сирена, под звуки израильтяне поминают погибших.

Также немаловажную роль играют преподавание в школе, начиная с младших классов [11], поездки в лагеря смерти в Польшу выпускных классах [14; 18; 19], посещение Яд Вашем и других музеев памяти жертв Холокоста внутри страны и за ее пределами, встречи с выжившими, многочисленные книги воспоминаний, видеосвидетельства транслируемые по телевидению, художественные и документальные фильмы, общественные мероприятия, поминальные молитвы в синагогах и т.п.

¹ Исследование было проведено в рамках индивидуальной научно-исследовательской программы «Ariel University Center – ATZil Research Program» при поддержке гранда, выданного еврейским агентством «Сохнут» (индивидуальный номер 1410399). Работа проводилась под руководством профессора Ницы Давидович (Faculty of Social Sciences and Humanities, Ariel University).

Здесь детализированное знание о событиях, происходивших в Европе после прихода к власти нацистской партии, и осознание масштабов Катастрофы кристаллизуются в завет «Никогда больше!» и напрямую влияют на мировоззренческую систему и ценность сохранения государства Израиль как одного из гарантов не повторения Катастрофы (Сионизм 2-го поколения) [19, с. 244].

В отличие от еврейско-израильской идентичности, память евреев современной Диаспоры СНГ о событиях 1939–45 годов, составляют не национальный исторический нарратив, а включена в общенациональный. Исключение составляют те, кто имеет тесную связь с общиной, а среди молодого поколения – те, кто получил обучение в еврейских школах «Хабрад» или иешивах, где в рамках образовательного процесса Катастрофа представляется как страница общеврейской национальной истории.

Но в целом прослеживается общеобразовательный комплекс мероприятий: через отмечание *Международного дня памяти жертв Холокоста* 27 января, установленного генеральной ассамблеей ООН; через просветительскую деятельность израильских культурных центров при посольствах Израиля в странах СНГ и организации «Нагив», как, к примеру, показ фильмов о Шоа в местных кинотеатрах, или организация различных мероприятий или поездок в рамках различных программ («Бинат Атид», «Феникс», «Цофим» и др.); через многочисленные «места памяти», такие как музеи, памятники, памятные знаки на территории Украины, Республики Беларусь, России.

Благодаря научной, образовательной и просветительской деятельности крупных исследовательских центров в России¹ и Украине² стала возможна организация преподавания истории Холокоста в школах и университетах, а позже была закреплена через официальное включение данной темы в учебные программы: в 2003 году в России и в 2006 в Украине. Также тема Холокоста включена в общеобразовательный процесс в Республике Беларусь и Казахстане; в Молдове и Узбекистане официальных указаний о преподавании истории Холокоста нет, и предоставление этой темы в целом зависит от школы и учителей [5, с. 75, 89, 99, 106, 120–121].

Однако, несмотря на весь комплекс мер, встречаются случаи полного «вымывания» памяти об одной из самых трагических страниц в истории XX века, как, например, случай, который произошел в России в 2013 году с сестрами Ксенией и Евгенией Каратыгинами из Владимирской области в России, заявившими в прямом эфире, что «Холокост – это, может быть клей для обоев?» [8]. Несмотря на то, что это событие имеет косвенное отношение к проводимому исследованию, данный случай оказывается весьма показательным, поскольку часть диаспорного еврейства на практике находится в схожей ситуации незнания истории своего народа до тех пор, пока не оказывается частью образовательных программ, спонсируемых израильским правительством.

¹ Российский научно-просветительский центр «Холокост» был открыт в Москве в 1992 г.; Фонд «Холокост. Память и предубеждение» в Москве, работает с 1997 г.; Мемориальная синагога на Поклонной горе и музей еврейского наследия и Холокоста, открытые в Москве в 1998 г.; Еврейский музей и центр толерантности недавно открыты в Москве в 2012 г.

² Украинский центр изучения истории Холокоста, – создан в Киеве в 2002г.; Украинский институт изучения Холокоста «Ткума», основанный в Днепропетровске 1999 г.

Целью данного исследования является подтверждение или опровержение изначального предположения, что у части молодого еврейского населения, которая проживает в Диаспоре и не имеет глубокой связи с еврейской общиной, не ощущает своей «еврейскости» и тем самым не имеет прямого воздействия на историческую память и еврейскую самоидентификацию, у неё оказывается фактически размыта историческая память о Катастрофе. И лишь попадая на какие-то программы, типа Таглита, или Масы, молодые люди узнают историю своего народа.

Последние исследования, которые указывают на прямое влияние памяти о Катастрофе на формирование еврейской самоидентичности среди израильтян, во многом связаны с освещением влияния поездок на места уничтожения еврейского населения в Польше среди старшеклассников, которые проходят под патронатом Министерства образования с 1983года [18, с. 244, 247–248; 19, с. 276–313]. Вторым примером подобного рода исследования выступает анализ влияния поездок в Польшу среди участников программы «Witnesses in Uniform», которую Армия Обороны Израиля регулярно организывает с 2001 года для военнослужащих и офицеров [12]. Наряду с этим существуют исследования в Канаде, Бразилии, и в целом в Европе, которые показывают общий индикатор знания или его отсутствия о Катастрофе среди подростковой и средней возрастной групп (18–30 лет) без учета национальной принадлежности опрашиваемых [16; 15; 14]. Одним из немногих социологических анализов, которые проливают свет на современную ситуацию в странах СНГ (в данном случае – Украину), является работа профессора Харьковского нац. университета им. В. Каразина Елены Ивановой, проводившей исследование региональных особенностей коллективной памяти украинских студентов в 2008 году [3]. Для понимания общего фона, касающейся памяти о Холокосте в Украине и России, оказываются крайне важны разведки Джона-Павла Химки, Анатолия Подольского и Ильи Альтмана [7; 4; 1; 2].

Методы сбора и обработки эмпирического материала

При разработке опроса авторы исследования выбрали принципиальную позицию, в соответствии с которой опрашиваемые студенты давали открытые анонимные ответы на поставленные вопросы. Данный подход компенсировал отсутствие каких-либо эмпирических данных, которые можно было бы брать за основу. Ввиду этого была выбрана позиция предоставления полной свободы респондентам. Негативной стороной оказалось сложность в обработке результатов ответов, а именно – необходимость классификации и вписывание в определённые рамки уникальных ответов на первый, пятый и девятые вопросы.

В случае, если открытый ответ мог подспудно содержать отношение к нескольким разделам, авторами исследования была принята решение выделять явно или косвенно обозначенную основную позицию опрашиваемых участников дабы избежать перекосов в сторону какой-либо позиции.

Опрос был разработан как поэтапный, ступенчатый переход от выражения первоначальных эмоций, которые испытывают студенты, когда слышали слово «Шоа», к глубинному осмыслению Трагедии и тому, как данное знание привело к внутреннему изменению, трансформации.

Он включал в себя 9 открытых вопросов, объединенных в шесть блоков, и строился по следующей схеме: 1) Первые эмоции; → 2) Влияние ближайшего окружения: семья и школа; → 3) Встреча с выжившими в гетто или лагерях смерти; → 4) Паломничество: посещение Яд Вашем или лагерей смерти, мест расстрелов; → 5) Современный антисемитизм; → 6) Личная трансформация.

Характеристика выборки

В качестве опрашиваемых выступили студенты программы Маса из шести стран СНГ (Украина, Россия, Молдова, Беларусь, Казахстан и Узбекистан), которые находились на одной из трех программ Маса–Ариэль (СМИ, менеджмент или индивидуальные научные исследования) на основании «закона о возвращении», и, соответственно, имели прямую связь с еврейством и, возможно, в будущем с государством Израиль в качестве новых репатриантов.

Опрос был проведен в середине программы. Всего в нем приняло участие 74 человека (65% от общего количества студентов 11-й программы) в возрасте от 18 до 30 лет (таб. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов – студентов программы Маса–Ариэль 11, январь–май 2014

Переменная	Шкала	N	%
Пол	Женский	43	58%
	Мужской	31	42%
Возраст	18–21	11	15%
	22–25	40	54%
	26–30	18	24%
	Не определено ¹	5	7%
Страна проживания	Украина	32	43%
	Российская Федерация	17	22%
	Республика Беларусь	8	11%
	Республика Узбекистан	7	10%
	Республика Казахстан	4	5%
	Республика Молдова	2	3%
Не определено ⁵	4	5%	
Всего участников:		74	100%

Результаты и их обсуждение

1. Чувства и эмоции.

При ответе на первый вопрос «*Что ты чувствуешь, когда слышишь слова Катастрофа*» наиболее часто употребляемыми словами оказались «*боль*» и «*скорбь, печаль, траур*» (по 22 упоминания). Далее с равной частотой встречались «*страх*» вместе с «*несправедливостью и обидой за народ*» (по 14 упоминаний); «*негативные эмоции, дискомфорт*», «*жалость, сострадание*», «*ненависть к виновным*», «*чувство что это касается меня, моей семьи, моего народа*» (6–9 упоминаний); «*не понимание как такое могло произойти*», «*любовь к своему народу и гордость за него*», «*долг памяти*» и «*ничего*» (в среднем по 3–4 ответа). Визуально это можно представить в виде облака слов (рис. 1):

¹ Некоторые из участников отказались указывать какую-либо информацию о себе.

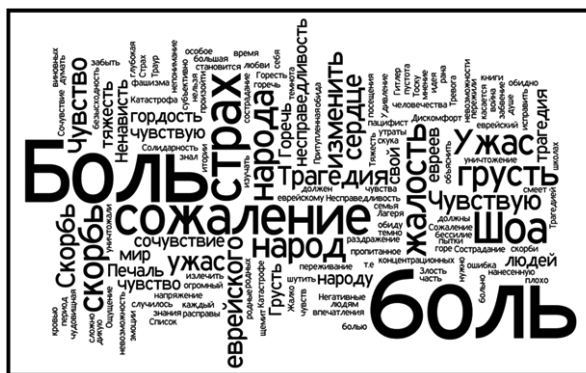

Рис. 1. Визуальный образ чувств респондентов по частоте упоминаний

2. Ближайшее окружение: семья и школа.

При ответе на вопрос «*Говорили ли в твоей семье, что произошло с еврейском населением Европы во время II мир. войны? Затронула ли Катастрофа твою семью?*» 40% человек (28 респондентов) написали, что Катастрофа в той или иной мере затронула их семьи: от эвакуации из Украины или насильственной депортации в Германию, до лишения жизни. И в зависимости этого, колебалась амплитуда ответов о том, говорили ли в семье: от «*затронула, именно поэтому не говорили*» или «*Я знаю об этом как «в тумане»: много об этом не говорили*», до «*Да, говорили много. Каждый праздник (еврейский праздник) начинается с поминания*». Более подробно распределение можно посмотреть в приведенной ниже таблице (таб. 2).

Таблица 2

Обсуждение Катастрофы в семейном кругу

Переменная	N	%	Всего, %	
Говорили	Да, говорили	5	7%	49%
	Говорили → Затронула	15	20%	
	Говорили → Не затронула	9	12%	
	Говорили → Не знаю, затронула ли	5	7%	
	Не говорили	Никогда не говорили	15	
Не говорили → Да, затронула		12	16%	
Не говорили → Нет, не затронула / Не знаю		13	17%	
Всего респондентов:		69	100%	100%

Отдельно следует отметить ответы на поставленный вопрос как, например «*Мы не говорили об этом, так как не так давно узнали о своем «еврействе» и эта тема нас не задевала*» или «*Члены моей семьи очень слабо ощущают свою связь с еврейством и поэтому у нас эта тема почти не обсуждалась*».

Что же касается непосредственно **школьного образования**, то 58% (43 человека), указали, что данная тема присутствовала в рамках школьной или университетской программ. Из них 15 человек указали, что данная тема лишь вскользь упоминалась (20% от общего

количества респондентов). Отрицали наличие данной темы в образовательных программах 31 респондент (42%); из них лишь двое указали, что данная тема ни разу не упоминалась.

При этом большинство из ответов акцентировали внимание на том, что «в рамках школьной программы» данная тема «затрагивалась чисто формально и мимоходом», «очень бегло» или «только в общих чертах в рамках истории II мировой войны/ВОВ/фашизма», с единственным указанием, что «во время II мировой войны погибло очень много людей с бывшего Советского Союза», что еще раз подтверждает преемственность советской концепции представления жертв Второй мировой войны [9].

Также неоднократно встречались такие ответы, как «я учился(ась) в общеобразовательной, не-еврейской школе, и поэтому эта тема не затрагивалась», что очень четко говорит о понимании Катастрофы, как исключительно еврейской трагедии, которая не имеет отношение к национальной или региональной истории. Особенно важно это понимание по отношению к выходцам из Украины, на территории которой оказалось второй по количеству мест массовых уничтожения. Одни из таких ответов: «Учился в обычной, не еврейской школе. Вопрос истребления евреев затрагивался, но не раскрывался в том объеме, в котором он открывается в еврейской школе» или «Я училась в школе, не имеющей отношения к еврейству», в противоположность ответам: «Я учился в еврейской школе, так что знаю об этом много, с 1-го по 11 класс». Всего указали, что они учились в еврейской школе 5 человек или 7%.

3. Встречи с выжившими.

28 человек или 39% от 72 опрошенных респондентов указали, что встречали выживших в Катастрофе или свидетелей тех событий. Соответственно 44 человека (61% указали), что им не доводилось лично видеть. Вследствие того, что вопрос был поставлен размыто, несколько человек указали, что они встречали ветеранов, которые застали те трагические события: «Мне случалось видеть и слышать ветеранов войны, прошедших концлагеря, но их национальная принадлежность не обсуждалась. Это были просто люди, прошедшие войну». Шестеро респондентов указали, что «это была моя бабушка/дедушка», еще несколько человек написали, что во время пребывания на одной из программ (Таглит или Маса), встречались с выжившими.

4. Посещение мемориальных комплексов погибшим.

Мемориальный комплекс Яд Вашем.

При ответе на данный вопрос, 73 респондента (99%) указали, что они посещали мемориальный комплекс Яд Вашем, при этом 11 человек (15%) отметили, что были там более одного раза. Лишь один респондент обозначил, что ему не приходилось посещать данный комплекс. Такой большой процент людей отчасти объясняется тем, что посещение музейного комплекса Яд Вашем является обязательным событием в рамках программ Таглит или Маса, который не предусматривает отказа участника.

Формулировка второй части вопроса отчасти перекликалась с первым, где респондентов просили описать эмоции, которые они испытывали, находясь в мемориальном комплексе. В результате, большая часть ответов во многом дублировалась с уже описанными чувствами в первом вопросе, а именно: ужас, шок, боль, печаль, грусть, внутренний дискомфорт, фрустрацию,

обиду и непонимание («как такое могло произойти») и «как целая нация самостоятельно отправилась на заклание»; «тяжесть на сердце», жалость и сострадание, «радость, что это позади» и «бессилие от невозможности что-то изменить», «отвращение к тем, кто это сделал» и «гордость за тех, кто выжил», а также то, что «с каждым посещением Яд-Вашема я принимаю эту историю все ближе к сердцу».

Из более раскрытых ответов, можно выделить ряд наиболее показательных: «Это место приносит тяжелую душевную травму, когда ты видишь одежду маленьких детей-заключенных, когда наглядно показывают, как сжигали евреев и насколько они истощены»; «Каждый раз ... ощущение вселенской несправедливости по отношению к евреям, а также к другим меньшинствам и маргиналам. [Они] Напоминают о том, что сейчас мы ушли не далеко»; «Чувство общности, ответственности, важности помнить, чувство мужества с которым люди воспринимали происходящее, и единения со всеми»; «Это действительно подавляющее чувство, несущее в себе память о жизни и смерти людей, о безвозвратно потерянном и ушедшем»; «С каждым посещением Яд-Вашем ... все более глубокое чувство боли и осознания этой Катастрофы. Яд-Вашем – это место, где я могу почувствовать эту катастрофу так, как я ее никогда не почувствую!»; «Это было одно из самых эмоциональных переживаний в моей жизни».

Критическое отношение к посещению музейного комплекса, в целом высказали лишь трое респондентов: «Там было очень грустно, интересно и возникло смутное ощущение, что евреи «гордятся» этим происшествием. Не знаю, как это объяснить, но мне кажется, что нельзя грустить в таком масштабе» и «Мне было больно за погибших. Но у меня складывается впечатление, что современный музей Яд-Вашем и вообще общество больше дают на жалость по этой теме».

Также отчасти различались ответы, описывающие эмоциональную составляющую подачи информации экскурсоводом от «эмоциональной сухости..., чтобы и так непростые факты о войне и Шоа не приводили людей в состояние истерики» до «тяжелой атмосферы, [которую] вначале ее нагнетают гиды и те, кто был раньше».

Бывшие концентрационные лагеря массового уничтожения и/или места массовых расстрелов.

И если сравнивать соотношение количества респондентов между обязательным посещением мемориального комплекса Яд Вашем и относительно «добровольным» экскурсиям/визитам многочисленных мест уничтожения евреев, мы видим прямую пропорциональность. Так всего 6 человек или 8% указали, что им доводилось посещать бывшие концентрационные лагеря массового уничтожения. 67 респондентов, или 92% от общего количества опрошиваемых, сказали, что не были в подобных местах. Из них пять человек высказали сожаление по данному поводу, трое указали, что они преднамеренно отказались, и двое высказали свое намерение поехать в ближайшее время. Из описаний «как это посещение поменяло твоё представление о произошедших событиях», одним из ответов был эмоциональный всплеск: «Жуткие воспоминания. Там земля выжжена и ничего не растёт, до сих пор. И дышать нечем, вообще нечем».

Из-за того, что при формулировании вопроса были допущены неточности и включение части ответа в вопрос, не исключено искажение полученных результатов. В частности, это видно из ответа на вопрос о посещении бывших мест расстрелов. Так, за исключением одного респондента из Республики Молдова, никто из опрашиваемых не указал, что когда-либо был в одном из наиболее знаковых мест – Бабьем Яру, включая принявших участие в опросе киевлян, которые учились в еврейской школе.

5. Влияние антисемитизма.

Следующий пласт вопросов был связан с выяснением, сталкивались ли респонденты в стране проживания с антисемитизмом, какова была их реакция на услышанное, пытались ли они противостоять ему. Опрос показал, что 46% или 34 человек сталкивались с его современным проявлением в той или иной форме. Еще трое человек (4%) указали, что лично никогда не сталкивались, но по рассказам родителей, друзей или знакомых знают о его проявлениях. 50% опрошенных (37 человек) указали, что никогда не чувствовали антисемитизма по отношению к себе или своим близким. Если связать это с географией проживания участников опроса, мы увидим следующий результат: (таб.3)

Таблица 3

География проявления антисемитизма

Страна проживания	Украина	Российская Федерация	Республика Молдова	Республика Беларусь	Республика Узбекистан	Республика Казахстан
Количество подтвердивших	15	11	2	5	1	1
Сталкивались с антисемитизмом, %	41%	30%	5%	14%	3%	3%
Процент от общего количества проживающих в стране, %	47%	65%	100%	63%	14%	25%

Так опрашиваемые участники программы указывали в анкетах, что сталкивались с так называемым *бытовым антисемитизмом*, таким как шутки, оскорбления, неприятные высказывания о евреях; обвинения «на уровне религиозной нетерпимости со стороны православных», «обвинение во всех бедах» (в том числе и «трагедии 11 сентября») и в виде «вандализма по отношению к памятникам евреям–узникам концлагерей», а один из респондентов, проживающий в Мурманске, указал, что «К сожалению, мне приходится сталкиваться с этим постоянно. В университете многие ребята считают шутки про евреев и Катастрофу очень смешными и нередко жестоко шутят на эту тему». Вследствие этого, большинство пытались противостоять «в словесной форме», через дискуссии и объяснения, реже через грубость и агрессию. Гораздо реже отмечалось отсутствие какого-либо желания спорить или переубеждать, так как это «бесполезно/бессмысленно» и «иногда такое проще игнорировать».

Логическим продолжением опроса стало выяснение у респондентов, насколько с их точки зрения допустимо сейчас, спустя 70 лет после окончания Катастрофы ее

повторение. 45% (33 участника программы) указали, что они считают это невозможным, 18% (13 человек) высказались, что допускают это возможным, 29% (21 человек) высказали возможность повторения Катастрофы, и 8% (6 человек) затруднились с ответом.

Среди основных причин, почему возможно повторение трагедии участники программы указывали: «арабо–израильский конфликт» и «европейская политика двойных стандартов, которая в том числе касается ситуации в Украине»; «невозможность искоренения антисемитизма», которая «заложена в человеческой природе»; «возможность повторения по отношению к любому другому народу», или в случае «если сотрется память». Среди причин невозможности повторения возможно выделить лишь две основных. Это – «защита памятью» и государство Израиль как гарант безопасности.

При этом можно заметить определенную корреляцию ответов между сталкиванием с антисемитизмом и ощущением возможности повторения Катастрофы. Так, из тринадцати респондентов, указывавших, что возможно повторение Катастрофы, десять человек (77%) ранее сталкивались с антисемитизмом в своей стране. И соответственно, из 34–х человек, ощутивших антисемитизм, десять отметили, что допускают возможность повторения Катастрофы. В процентном соотношении – это 29%.

6. Личная трансформация.

Наиболее важным для понимания того, как возможно жить с памятью о миллионах убитых, и как это чувствуется среди диаспорального еврейства, оказался последний вопрос: «Как знание о Катастрофе и соприкосновение с памятью об уничтоженном еврейском населении Европы повлияло на тебя, или, возможно, изменило тебя и твое восприятие истории евреев Диаспоры и место в ней Катастрофы?». Вторую цель, которую преследовали авторы опроса, состояла в обнаружении, если информация о Катастрофе впервые поступала в зрелом возрасте, или что гораздо более важно, только в Израиле во время участия в программах, как это знание всего за несколько часов могло изменить человека. Эту же цель преследовал и Мумин Шукиров при создании уже упомянутого документального фильма «Холокост – это клей для обоев?», который поставил перед собой цель снять трансформацию взросления и та эволюция сестер Каратыгиных, которая происходила в фильме за 2 дня [6].

Несмотря на многообразие ответов, их можно разделить на 11 подкатегорий. Наибольшую категорию можно обозначить как: «[Это знание] дало почувствовать связь с моим народом, пробудило чувства любви, гордости, почтения». Всего – 17 ответов. Далее практически с равной частотой: «[Это знание] никак не изменило меня, потому что я всегда знал и помнил о Катастрофе. Это [просто – авт.] часть еврейской истории» (9 ответов); «[Это знание] никак меня не изменило» (8 ответов); «Стал(а) больше ценить жизнь, уважать людей, быть толерантным(ой)» (8 ответов); «[Это знание] Пробудило интерес. Помогло лучше понимать свой народ и то, что происходило» (7 ответов). Еще 5 человек отметили, что полученные знания о Катастрофе «дали понимание её масштабов и того, что она не должна повториться» и четверо выразили «осознание необходимости существования государства Израиль как гаранта

защиты еврейского населения». С равным количеством встречались отказ от ответа и ситуация, когда человек затруднялся дать ответ, но отчетливо помнил, что данное знание «повлияло» или «точно изменило» (по 6 ответов). «Желание стать новым репатриантом» и «завет помнить» упоминалось по 1 разу.

Следует отметить, что полученные выводы относятся к поколению молодежи, рожденных в середине 1980–90-х гг. и не исключено, что они относятся лишь к данной возрастной группе. В целом, даже на основании столь незначительной выборки, можно сделать следующие выводы: 1. Для половины участников память о Катастрофе не является ни актуальной, ни смысло- или жизнеобразующей. 2. Более чем в трети случаев открытие самой «еврейскости» проходит на одной из программ, спонсируемых государством Израиль. 3. Для тех участников опроса, которые знали о Катастрофе «с детства» или «со школьной скамьи», она представляется как одной из частей общей еврейской истории. 4. Заметны следы сильного прерывания семейной памяти в Диаспоре, которая традиционно являлась одним из главных источников и инструментов передачи еврейской истории. 5. Наибольшее впечатление производит мемориальный комплекс Яд-Вашем. Также исследование показывает, что четырех или восьмимесячное пребывание на программе дает общее «ощущение связи с народом», которое было прервано в Диаспоре, и которое будет восстановлено после репатриации, и в гораздо меньшей мере убеждает в том, что «Израиль наиболее безопасное место для евреев».

Из главных недостатков исследования это то, что оно не дает никакого представления из каких источников и когда участники впервые узнали о Катастрофе. Для подтверждения репрезентативности выборки необходимо проведение дополнительного опроса, которое бы подтверждало верность полученных выводов.

Список использованных источников

1. Альтман И. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы / Илья Альтман [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2–3 (40–41). – Режим доступа к журн.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/alt28.html>
2. Альтман И. Образование по теме Холокоста в современной России: проблемы и достижения / Илья Альтман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/holocaustremembrance/paper19.shtml>
3. Иванова Е. Региональные особенности коллективной памяти студентов о Холокосте в современной Украине / Елена Иванова // Голокост і сучасність. – 2008. – №2 (4). – С.9–28.
4. Подольский А. Українське суспільство і пам'ять про Голокост: спроба аналізу деяких аспектів / Анатолій Подольський // Голокост і сучасність. – 2009. – №1 (5). – С.47–59.
5. Преподавание тем Холокоста и антисемитизма. Обзор и анализ образовательных подходов [Электронный ресурс]. – Warsaw: Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). 2006. – 223 с. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/odihr/18819?download=true>
6. Фанайлова Е. Холокост – клей для оboев? / Елена Фанайлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/25028419.html>
7. Химка І.–П. Рецепція Голокосту в посткомуністичній Україні / Іван–Павло Химка [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://uamoderna.com/md/223–223>
8. Холокост – клей для оboев? / Официальный сайт документального фильма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.holocaust–doc.com/>
9. Шапіро Г. Українське суспільство і пам'ять про Голокост / Ганна Шапіро // Гуманізм. Людина. Пам'ять (Пам'яті професора Валерія Скотного): Матеріали 24–х Міжнародних філософських читань. –

Дрогобич: Редакційно–видавничий відділ Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка, 2012. – С.251–255.

10. Aaron Y. The Role of the Holocaust in Jewish Identity and Memory / Yair Auran // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.18–40.
11. Brutin B. Teaching the Holocaust in Elementary Schools in Israel: A Review / Barbara Brutin // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.61–69.
12. Davidovitch N., Haskel A., Soen D. «Witnesses in Uniform» – IDF Delegations to Poland: Education or Indoctrination? / Nitza Davidovitch, Amir Haskel, Dan Soen // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.316–348.
13. EU Poll: Europeans tired of «Holocaust victim» games [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.unitedjerusalem.org/index2.asp?id=399511&Date=1/26/2004>
14. Feldman J. Above the Death Pits, Beneath the Flag: Youth Voyages to Poland and the Performance of Israeli National Identity / Jackie Feldman. – Berghahn Books, 2008. – 307 p. – (Berghahn Series, Chicago studies in practices of meaning).
15. Fleishman D. Poll: Third of Brazilians unaware of Holocaust / Daniel Fleishman [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.jta.org/2001/07/27/life–religion/features/poll–brazilians–dont–know–much–about–holocaust–history>
16. Herald C. Lack of Holocaust knowledge revealed in poll / Calgary Herald [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.canada.com/calgaryherald/story.html?id=cee5d0db–134a–41cc–9ebc–9e4bc26d37c4>
17. Martyrs' and Heroes' Remembrance Day Law, 5719–1959 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.knesset.gov.il/shoah/eng/shoah_memorialday_eng.pdf
18. Soen D., Davidovitch N. Israeli Youth Pilgrimages to Poland: Rationale and Polemics / Dan Soen, Nitza Davidovitch // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.234–265.
19. Soen D., Davidovitch N., Hazan H. Youth Trips to Poland – A Case Study of the Israeli Youth Movement Model / Dan Soen, Nitza Davidovitch, Hadar Hazan // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.266–315.

References

1. Al'tman I. Memorializacija Holokosta v Rossii: istorija, sovremennost', perspektivy / Il'ja Al'tman [Jelektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. – 2005. – №2–3 (40–41). – Rezhim dostupa k zhurn.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/alt28.html>
2. Al'tman I. Obrazovanie po teme Holokosta v sovremennoj Rossii: problemy i dostizhenija / Il'ja Al'tman [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.un.org/ru/holocaustremembrance/paper19.shtml>
3. Ivanova E. Regional'nye osobennosti kollektivnoj pamjati studentov o Holokoste v sovremennoj Ukraine / Elena Ivanova // Golokost i suchasnist'. – 2008. – №2 (4). – S.9–28.
4. Podol'skyy A. Ukrayins'ke suspil'stvo i pam'yat' pro Holokost: sprobna analizu deyakykh aspektiv / Anatoliy Podol'skyy // Holokost i suchasnist'. – 2009. – №1 (5). – S.47–59.
5. Prepodavanie tem Holokosta i antisemitizma. Obzor i analiz obrazovatel'nyh podhodov [Jelektronnyj resurs]. – Warsaw: Bjuro OBSE po demokraticheskim institutam i pravam cheloveka (BDIPCh). 2006. – 223 s. – Rezhim dostupa: <http://www.osce.org/ru/odihr/18819?download=true>
6. Fanajlova E. Holokost – klej dlja oboev? / Elena Fanajlova [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.svoboda.org/content/article/25028419.html>
7. Khyrnka I.–P. Retseptsiya Holokostu v postkomunistychniy Ukraini / Ivan–Pavlo Khyrnka [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://uamoderna.com/md/223–223>
8. Holokost – klej dlja oboev? / Oficial'nyj sajt dokumental'nogo fil'ma [Elektronnij resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.holocaust–doc.com/>
9. Shapiro H. Ukrayins'ke suspil'stvo i pam'yat' pro Holokost / Hanna Shapiro // Humanizm. Lyudyna. Pam'yat' (Pam'yati profesora Valeriya Skotnoho): Materialy 24–kh Mizhnarodnykh filosof's'kykh chytan'. – Drohobyč: Redaktsiyno–vydavnychyj viddil Drohobyts'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu im. I. Franka, 2012. – S.251–255.

10. Auron Y. The Role of the Holocaust in Jewish Identity and Memory / Yair Auron // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.18–40.

11. Brutin B. Teaching the Holocaust in Elementary Schools in Israel: A Review / Barbara Brutin // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.61–69.

12. Davidovitch N., Haskel A., Soen D. «Witnesses in Uniform» – IDF Delegations to Poland: Education or Indoctrination? / Nitza Davidovitch, Amir Haskel, Dan Soen // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.316–348.

13. EU Poll: Europeans tired of «Holocaust victim» games [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.unitedjerusalem.org/index2.asp?id=399511&Date=1/26/2004>

14. Feldman J. Above the Death Pits, Beneath the Flag: Youth Voyages to Poland and the Performance of Israeli National Identity / Jackie Feldman. – Berghahn Books, 2008. – 307 p. – (Berghahn Series, Chicago studies in practices of meaning).

15. Fleishman D. Poll: Third of Brazilians unaware of Holocaust / Daniel Fleishman [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.jta.org/2001/07/27/life-religion/features/poll-brazilians-dont-know-much-about-holocaust-history>

16. Herald C. Lack of Holocaust knowledge revealed in poll / Calgary Herald [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.canada.com/calgaryherald/story.html?id=cee5d0db-134a-41cc-9ebc-9e4bc26d37c4>

17. Martyrs' and Heroes' Remembrance Day Law, 5719–1959 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.knesset.gov.il/shoah/eng/shoah_memorialday_eng.pdf

18. Soen D., Davidovitch N. Israeli Youth Pilgrimages to Poland: Rationale and Polemics / Dan Soen, Nitza Davidovitch // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.234–265.

19. Soen D., Davidovitch N., Hazan H. Youth Trips to Poland – A Case Study of the Israeli Youth Movement Model / Dan Soen, Nitza Davidovitch, Hadar Hazan // The Holocaust Ethos in the 21st Century: Dilemmas and Challenges. – Krakow, Budapest: Austeria Publishing House, 2012. – P.266–315.

Shapiro H. S., post-graduate student of The Department of philosophy the Natural Science Faculties, Philosophy Faculty, Odessa I. I. Mechnikov national university (Ukraine, Odessa), a.s.shapiro.uk@gmail.com

The Shoah in memory of Diaspora. The research of historical remembering of the Holocaust among the students of Masa–Ariel program

The article presents the results of a study which had been conducted among students of the Masa–Ariel program (Ariel, Israel) in order to identify the place of the memory of the Holocaust among the Jews of the Diaspora. The survey involved 74 people aged 18–30 years from 6 CIS countries, whose participation in the program was based on the «Law of return». The results show that in contrast to the Israelis, who have the memory of the Holocaust occupying a leading position in identity, for half of the program participants memory of the Shoah is neither significant nor has life-forming sense (except for those members who knew about the Holocaust from school or who had a close relationships with Jewish community). The discovery of the «Jewishness» is often held during the program, and after four or eight months in Israel, the participants reached a general feeling of connection with the people and its history, which was interrupted in the Diaspora. Interruptions of family memory and a strong enough sense of the impact of anti-Semitism were also discovered in this study.

Keywords: Shoah, national identity, narrative, the Holocaust, the Diaspora, the historical memory.

Шapiro Г. С., аспірантка кафедри філософії природничих факультетів філософського факультету, Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса), a.s.shapiro.uk@gmail.com

Шоа в пам'яті Діаспори. Дослідження історичної пам'яті Голокосту серед студентів програми Маса–Аріель

Наводяться результати дослідження, проведеного серед студентів програми Маса–Аріель (м. Аріель, Ізраїль) з метою виявлення, яке місце займає пам'яті про Катастрофу серед євреїв Діаспори. Всього в опитуванні брали участь 74 людини у віці 18–30 років з 6 країн СНД, які знаходилися в програмі на підставі «закону про повернення». Результати опитування демонструють, що на відміну від ізраїльтян, у яких пам'яті про Шоа займає одну з провідних позицій у самоідентифікації, для половини учасників програми пам'яті про Шоа не є ні актуальною, ні значущою чи життєстворюючою (за винятком тих учасників, які мали тісний контакт з єврейською громадою чи знали про

Катастрофу «зі шкільної лави»). Відкриття самої «єврейськості» часто проходить під час програми, і після чотирьох або восьми місяців перебування в Ізраїлі учасниками досягається загальне відчуття зв'язку з єврейським народом і з його історією, яке було перервано в Діаспорі. Також були виявлені сліди переривання рідинної пам'яті і досить сильне відчуття впливу антисемітизму.

Ключові слова: Шоа, національна самоідентичність, нарратив, Голокост, Діаспора, історична пам'яті.

* * *

УДК 94(479.24)

Алауддин А. И., диссертант, Інститут історії ім. А. А. Бакыханова Національної Академії Наук Азербайджана (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

ЗНАЧЕНИЕ ТОПОНИМОВ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ИРЕВАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ И ВОСТОЧНОЙ АНАТОЛИИ

Определено место и роль топонимов в изучении истории Иреванской провинции Азербайджана и Восточной Анатолии. Основными объектами сжатого исследования автора стали топонимы (географические названия) Иреванской провинции Азербайджана, оказавшейся в 1590–1612 гг. и в 20–30 гг. XVIII столетия в составе Османской империи.

Автор статьи приходит к такому выводу, что история тюрков, мусульман Азербайджана Иреванского региона и Восточной Анатолии одна, неразделима и до сих пор существуют «мосты», соединяющие их топонимы – это «мосты» между прошлым и современностью.

Ключевые слова: топоним, история, Азербайджан, Восточная Анатолия, Иреван, Нахчыван.

(статья друкується мовою оригіналу)

Понятие «топоним» образовалось от объединения греческих слов «тоπος» (место, географическое пространство, район) и «оним» (название). Топонимы являются важными источниками в изучении истории народов, территории их проживания, ареала распространения различных языков, роли различных племен и народов в формировании и развитии культурных и экономических центров, торговых путей, в определении племен, участвовавших в процессе формирования народов, политических и этнических границ различных стран. Топонимы каждой области, страны ярко отражают их социально-экономическую, политическую, культурно-идеологическую историю. Поэтому некоторые исследователи называют топонимию «языком земли» [1, с. 165].

Место, названное людьми «Родиной», «Отечеством», это не просто географическая территория. Человек живет ради Родины, Отечества, хоронит своих родных на священной земле Родины, Отечества в пределах Отечества, Родины создает будущее последующих поколений. На Родине каждая вершина, каждое ущелье имеет своеобразное, неповторимое название. Топонимия является показателем процесса превращения географии в Родину [12, с. 2239–2254]. Благодаря топонимам мы изучаем историю определенного географического пространства и населения, живущего на этой территории, а так же образ восприятия и понимания народом этого пространства. «Топонимия имеющая связь со многими науками (география, языковедение, история, этнография) нема без языковедения, темна, беспочвенна без историка, беспространственна без географа» [9, с. 7].

Топонимы Восточной Анатолии и Иреванской провинции Азербайджана представляют нам определенные исторические сведения о физических,